

Татьяна Стамова

ДИКИНСОН И ШЕКСПИР

Песенка Шута

Началось все с того, что как-то раз, читая стихи Дикинсон, я узнала в одной строчке Шекспира. Строчка та вылетела потом из головы, но интерес остался.

На вопрос друга и «наставника» Томаса Хиггинсона о ее чтении, Эмили ответила: «Из поэтов у меня есть Китс и г-н и г-жа Браунинг».

О Шекспире она тогда промолчала. Между тем двумя настольными книгами Эмили были всю жизнь полный (восьмитомный) Шекспир, подаренный отцом ей на тринадцатилетие, и Библия.

Хорошо известна такая история.

Учась в Амхерстской гимназии, Эмили организовала там Шекспировское общество. На первом же собрании должно было состояться чтение «Бури». Но случилось так, что преподаватель литературы попросил присутствующих вычеркнуть в своих экземплярах пьесы «сомнительные» места. Эмили категорически отказалась: «У Шекспира нет ничего плохого!» На этом общество прекратило свое существование.

Тут видим, помимо отнюдь не школярского интереса юной Эмили к творчеству Шекспира, абсолютную бескомпромиссность ее характера. И, конечно, выбор! «Буря» — может быть, самая волшебная и загадочная из всех шекспировских пьес.

Племянница Э.Д., Марта Дикинсон Бьянки, пишет о ее увлечении:

«Шекспир всегда и навсегда. Отелло — любимый злодей, Макбет — почти сосед, изгнанник Лир — одинокая фигурка на вершине ближнего холма.

«Антоний и Клеопатра» — зачитаны до дыр».

И вот два высказывания Эмили из ее писем:

«Пока есть Шекспир, литература стоит крепко».

«Будущее литературы — Шекспир».

Я не собираюсь подробно раскрывать здесь тему Дикинсон и Шекспир. Хочу поделиться лишь некоторыми заметками.

Если приглядеться, то у этих двоих можно заметить несколько удивительно ярких общих черт.

Во-первых — лексикон. Оба, например, так и сыплют канцеляризмами (часто — терминами, относящимися к коммерции и юриспруденции), причем в сочетании с абстракциями (Время, Вечность, Память, Смерть и т. д.)

Откуда эта лексика у Шекспира — понятно (еще в Стратфорде он начал заниматься

мелким ростовщицеством, что в отличие от актерства и писательства, давало возможность прокормить семью). А откуда у Эмили? От отца, работавшего казначеем и по совместительству адвокатом и — от Шекспира! (Отсюда же, очевидно, и многочисленные латинизмы).

Во-вторых, тот и другая обожают словесную игру — каламбуры, оксюмороны, парадоксы, разнообразные перевертыши, неологизмы.

В-третьих, афористичность. У Шекспира что ни фраза, то афоризм. И у Дикинсон — тоже.

И у Эмили есть свой театр — стихи. Она играет за все мироздание, становится камнем, цветком, горой, ведет непринужденные диалоги с Богом. Ее стихи — это монологи и диалоги. Спорят Дух и Прах, Жизнь и Смерть, Эмили и Бог. Иногда действующих лиц больше: в одном из стихотворений, например, переговариваются времена года и старый ворон.

Наконец, полное бесстрашие: не боится взглянуть со стороны на собственную смерть, предлагает вскрыть жаворонка, чтобы посмотреть, есть ли у него внутри музыка, абсолютно не боится (как Шекспир) физиологических подробностей, а также быть обвиненной в кощунстве.

Есть у нее два-три стихотворения, в которых прямо упоминаются шекспировские персонажи.

А теперь самое главное — то, обо что однажды споткнулась и с чего начала эти заметки. Итак, Эмили несколько раз упоминает и цитирует Шекспира в своих письмах к друзьям и родным. Но этого мало. Я заметила, что она сплошь и рядом переключается с ним в своих стихах! Так же, как цитирует в них Библию. Ведь и то, и другое (и Библия, и Шекспир) это ее воздух — почти как воздух ее сада. Пишет, как дышит. Часто использует его словосочетания: у Ш. *gentle thief* (милый вор), у Д. — *Sweet Pirate of the heart*; у Ш. — *quick bright things* (быстрые побрякушки), у Д. — *bright tragic thing* (трагическая побрякушка слава); у него *golden lads and girls*, у нее — *Yellow boys and girls* и т. д.

Иногда шекспировский афоризм для нее как трут или спичка, от которых вспыхивает собственное, в высшей степени оригинальное стихотворение.

Итак, начнем переключку:

Шекспир: When most I wink, then do mine eyes best see. (Смежая веки, зорче я стократ).

Дикинсон: What I see not I better see. (Невидимое мне видней)

Шекспир: Within thy own bud buriest your content. (Себя в бутоне прячешь).

Дикинсон: I hide myself within my flower. (Я спряталась в моем цветке).

Шекспир: There is no music in the nightingale. (И музыка ушла из соловья).

Дикинсон: Split the Lark — and you'll find the Music! (Вскрой жаворонка — музыку найдешь).

Шекспир: Lord, we know what we are but know not what we may be. (Мы знаем, кто мы есть — не знаем, кем можем стать).

Дикинсон: We never know how high we are/ Till we are asked to rise. (Нам собственный неведом рост, / Но встать придет пора...)

Шекспир: There's beggary in the love... (Есть нищенство в любви...)

Дикинсон: When a lover is a beggar... (Если любящий как нищий...)

Таких примеров я нашла множество...

Если возьмем стихотворение 198 и сравним его с описанием ночной бури в «Макбете» (II, 3), то найдем в них много общего. И там, и там на крыше слышны чудовищные звуки, завывания, жалобы... В «Макбете» всю ночь кричит страшная Птица. У Дикинсон под утро издыхает Чудовище.

Таинственное стихотворение *My wheel is in the dark!* (*Колесо мое во мраке!*) становится понятнее, если сравним его с отрывком из шекспировского Лири (V, 3) — тем самым, где побежденный Эдмунд восклицает: «Свершило оборот свой колесо!» Интересно, что это стихотворение Эмили — одно из самых ранних (№10).

Строки из стихотворения 126 (*Он побеждает — мир молчит, / Он пал — и он забыт*) /» перекликаются с четверостишием из 25-го сонета Шекспира:

Добывший славу в битвах без числа,

Одну хотя бы проиграет воин —

И вот забыты все его дела...

(пер. А. Финкеля)

А знаменитое стихотворение Эмили «Я умерла за красоту» (№449), где под двумя соседними гробовыми плитами происходит разговор о правде и красоте, по-моему, зажглось от шекспировского четырнадцатого сонета, а точнее от его последних строчек: «Умрешь ты, и под гробовой плитой / Исчезнет правда вместе с красотой» (пер. С. Маршак).

«Дальше — молчанье» (см. «Гамлет») — так заканчивает Эмили одно из своих писем.

В стихах Дикинсон не цитирует Шекспира. Она живет им и берет его в собеседники, как берет в собеседники самого Господа Бога. Она спорит с ним, противоречит ему и сплошь и рядом оказывается смелее его.

Если у Шекспира раненый олень плачет, то у Э.Д. он совершает свой самый высокий

прыжок (The wounded Deer leaps highest).

Если Шекспир говорит: «Дай горю слово» (Give word to sorrow), то Дикинсон: «Лучшее горе безъязыко» (Best Grief is tongueless).

Шекспир устами Тимона Афинского: «Солнце — вор! Месяц — вор! Всё в мире — вор!» Казалось бы, дальше уже некуда! Но Дикинсон идет еще дальше. У нее вором оказывается Господь, обкрадывающий смерть. «Бог разорит — примет птенцов!» (разорит гнездо-могилу).

В своем «театре» Эмили то и дело играет роль Шута. Постоянно провоцирует читателя, загадывая ему странные загадки, поражая гротескными афоризмами. Собственно, гротеск, загадка, ирония — это ее язык. Она философ, провидец, душевед — Шут!

И тут нас ждут удивительные совпадения.

Например, шут в «Короле Лире» спрашивает, почему нос находится посередине лица, а глаза с двух сторон от носа. А Эмили говорит: «Хорошо бы, уши были подальше от сердца!» Эдгар в том же «Лире» восклицает: «Смысл в безумии!» (Reason in madness!) И Эмили словно вторит: «В безумии скрыт высший смысл!» (Much madness is divinest sense!)

Шут в Лире говорит королю: «Ты — ноль без палочки, а я хоть шут».

У Эмили: «Я — никто. Ты тоже? Значит, двое нас!»

Тот же шут: «Не говори все, что знаешь».

Эмили: «Скажи всю правду, но не сразу / — Не опрокидывай ушат!»

И по своему размеру (этот неизменный коротенький ямб протестантских гимнов) стихи ее удивительно похожи на песенки шута у Шекспира. И это ее вечное: Сэр! Провоцирует не короля — самого Бога!

Вот откуда ее любимая (шутовская) маска. Маска — или все же лицо?

Стихотворение 1333 — ее дань мудрому шекспировскому «дураку» (см. подборку дальше).

А закончить хочу этим. Есть у Дикинсон стихотворение о Поэте (№ 448).

Мне сразу показалось, что оно о Шекспире. (Вспомним: *Будущее литературы — Шекспир!*) Но нужно было еще доказательство. И я нашла его у самого Шекспира в 6-м сонете.

И там, и там говорится о нектаре, которым нельзя не поделиться. И это ключевое слово *distill* (оно и у него, и у нее) — *выжимать сок, перегонять*.

«Что может смерть, коль ты останешься жить в потомстве?» — обращаясь к своему адресату, Шекспир словно обратился здесь к самому себе. А Дикинсон бережно перенесла эту «эссенцию» в свое стихотворное посвящение Поэту (Шекспиру): «Ты сам — свое наследье/ Вовек — и вне времен!»

Эмили брала у Шекспира, не смущаясь, прекрасно понимая, что это — как брать у

Природы, в которой есть всё и от которой не убудет. И всякий раз превращала его «эссенцию» (attar) в другой, очень терпкий, ни с чем не сравнимый напиток.

448¹

Вот был Поэт — он выжимал
Невероятный смысл
Из будничных понятий —
И сок, что прежде кисл

Был — этих беспризорных
Растений у крыльца —
В нектары мог *перегонять*
С небрежностью Творца.

Поэт! — Он свитки развивал
Невиданных картин.
И нищим становился
Всяк по сравненью с ним.

Невольно все крадем —
Но тем богаче он.
И сам — свое *наследье* —
Вовек — и *вне времен!*

449

Я умерла за красоту² —
Он жизнь отдал за правду.
И вот лежим — плита к плите:
Нас положили рядом.

«За что?» — он вымолвил едва.
«За Красоту», — сказала.
«Меня — за Правду. Значит, мы —
Родня — уже немало...»

И как родные мы в ночи

Шептались между плит.
Но мох коснулся наших губ.
Забыта. — И забыт.

741

Самая живая Драма —
Этот день простой.
Вот! — Открылся — и поставлен!
Бенефис иной

Лицедеями загублен...
Это Представленьё
Пусть без Публики идет —
И без Объявления!

Не писал бы пьес Шекспир —
И тогда на свете
Был бы Гамлет! И Ромео
О своей Джульетте

Промолчал бы — все равно:
Сердце — роли — знает.
Сей скромнейший свой Театр
Бог не закрывает —

1333

Безумье легкое Весны —
Как дар! И короли пьяны.
И все ж Господь — с Шутом,

Что зачарованный следит
Зеленый сей Эксперимент —
Словно Творец — он сам!

---

¹ Здесь и далее стихотворения в переводе Татьяны Стамовой.

² Интересно, что эти два стихотворения (448 и 449) стоят хронологически рядом.